

КОРПОРАТИВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

*Лымарь Я.А., к.н., доцент
Нестеренко М.Г., студент*

Харьковский институт экономики рыночных отношений и менеджмента

Рассмотрена и систематично изложена логика современных социально-экономических и культурных трансформаций. Особое внимание уделено проблеме трансформаций на рынке труда и их связи с современными социокультурными явлениями, которым дана экономическая и моральная оценка.

Ключевые слова: корпоративизация, новый мировой порядок, традиционная семья, корпоративная сеть.

«Человек, пришедший в уже занятый мир, если общество не может воспользоваться его трудом, не имеет абсолютно никакого права требовать хотя бы какой-то еды, и он на самом деле лишней на земле. Природа повелевает ему уйти, и не замедлит сама исполнить свой приговор»

Томас Мальтус

«Даже слезами одного ребенка не может быть куплен рай»

Федор Достоевский

Процесс глобализации, распространившийся на все сферы жизни современного общества, требует глубокого переосмысления, особенно при попытках комплексного анализа всех – экономических, политических, культурных и религиозных – аспектов, как единой системы взаимосвязанных факторов в плане их изменения под влиянием глобализации.

Наиболее существенные трансформации происходят в сфере социально-трудовых отношений. Если раньше конкуренция сосредотачивалась на использовании более совершенной техники и технологии, то сейчас главным фактором повышения конкурентоспособности становится рыночное применение и использование рабочей силы [1, с. 103, 107]. М. Кастельс писал: «Никогда труд не играл столь значимую роль в процессе создания стоимости. Но никогда рабочие (безотносительно к их квалификации) не были более уязвимы для организации, ибо они стали “подтянутыми” индивидами, которые отданы на откуп гибкой сети» [2]. «Высшая цель глобальной цивилизации – создание внационального гражданина мира, гражданина единого мирового человеческого сообщества, единого мирового государства. А останется ли человек высшей социальной ценностью в таком глобальном государстве? И будет ли такой глобальный человек и его развитие высшей целью общественного развития?» [3, с. 47]. Эти вопросы являются сегодня открытыми, поэтому огромный интерес представляет изучение логики современных трансформаций с целью определения вектора их направленности и возможных последствий для экономики и общества в целом.

В эпиграфе мы упомянули два высказывания, выражающие диаметрально противоположное отношение к человеку. В сторону какого из них направлен вектор современных трансформаций? Ответу на этот фундаментальный вопрос посвящена данная статья.

Новый мировой порядок – цель, корпоративизация – средство

Наиболее характерной отличительной чертой современной трансформации социально-трудовых отношений является то, что она происходит одновременно с переустройством всей системы общественных отношений, «глобальной трансформацией всего сложившегося миропорядка и параллельно – серьезным осмыслением нового социального универсума» [4, с. 34], знаменующими формирование глобальной системы мироустройства – «нового мирового порядка». Оговоримся сразу,

что в рамках данной статьи мы наполнили это понятие достаточно узким содержанием, поэтому оно не имеет ничего общего со всевозможными теориями «заговора» и/или «мирового правительства».

Современная политология рассматривает мировой порядок как глобальные связи, более или менее структурированные и стабильные, но вместе с тем достаточно динамичные, а главное – соответствующие определенному поведенческо-институциональному образцу. Подразумевается, что такой порядок направлен на обеспечение функционирования и развития мировой политической системы в соответствии с доминирующими в мире (на данном этапе исторического развития) целями и ценностями [5, с. 31]. Мы несколько упростим эту формулировку и под «мировым порядком» будем понимать сложившуюся систему социальных элементов, в которой самовоспроизводство и развитие происходит на базе определенной социальной единицы. В современной системе мироустройства эту функцию выполняет моногамная гетеросексуальная семья (условно назовем эту систему «старым мировым порядком»). Следовательно, для того чтобы определить тот базис, на котором может быть сформирован новый мировой порядок, необходимо определить, какая социальная единица является на современном этапе конкурентом семьи в борьбе за фундаментальную роль в новой системе мироустройства.

Известный социолог и футуролог Ф. Фукуяма отмечает, что «по мере того, как общество будет модернизироваться, семья будет играть все более незначительную роль и окажется заменена более безличными видами социальных связей» [6]. Продолжая эту мысль, С.Г. Кара-Мурза определяет современную трансформацию как переход от общества, устроенного по типу семьи, к обществу, устроенному по типу рынка, когда доступ к первичным жизненным благам определяется только платежеспособностью человека [7]. Исходя из тенденций и трендов, выделенных этими авторами, мы считаем, что в условиях «нового мирового порядка» главной социальной единицей должна стать корпорация. Именно поэтому процесс перехода из старого мирового порядка в новый мы определили как «корпоративизацию» (постепенное «отвоевывание» корпорацией у семьи пальмы первенства в системе приоритетов общества).

На бытовом уровне мы часто слышим о том, что ускоряющийся темп жизни вынуждает многих людей работать все больше и больше, но это лишь верхушка айсберга. Корень проблемы лежит в трансформации общественного сознания, в принятии им как нормы постепенного роста значимости корпорации и постепенного снижения влияния семьи. На современном этапе общество вплотную приблизилось к точке бифуркации – к тому моменту, когда значимость семьи и корпорации «пересекутся» (станут одинаковыми), а далее, по мере роста влияния корпорации, будут становиться все более ощутимыми последствия «великого ценностного разрыва» (Ф. Фукуяма).

Таким образом, можно заключить, что новый мировой порядок является конечной целью, а корпоративизация – средством для достижения этой цели. Из вышесказанного следует, что формирование нового мирового порядка требует разрушения или существенного изменения традиционной семьи. Ниже мы в сжатом виде приведем те конкретные тактические инструменты, которые использовались и продолжают сегодня использоваться для ослабления традиционной семьи в интересах нового мирового порядка и формирующей его корпоративизации. Подробный анализ этих инструментов выходит за пределы статьи, поэтому всех заинтересовавшихся отсылаем к книге Дж. Стотта «Новые проблемы современных христиан». В рамках данной статьи мы коротко изложим сущность тех явлений, которые были определены нами как инструменты корпоративизации, раскроем их экономические корни и дадим им социальную и моральную оценку, опираясь на принципы Библии – эталонные принципы традиционной семьи.

Формирование массовой культуры. Роль массовой культуры в решении стратегических задач корпоративизации состоит в информационной обработке в сфере литературы, музыки, кино и телевидения. Газетно-журнальные киоски на улицах, в метро, универсамах пестрят обнаженными телами, вызывающими позами, кричащими сенсационными заголовками – о преступлениях, извращениях и пороках, а также чудовищной видеопродукцией (фильмы, насыщенные жестокостью и садизмом, порнографией и извращенным сексом). Радиоэфир забит наркотической и агрессивной музыкой и соответствующими текстами, в том числе криминальным жаргоном и ненормативной лексикой. Бесконечные сериалы о бандитах и мошенниках, вульгарные реалити-шоу, пропагандирующие паразитизм, безответственность и бессмысленную развлекаловку [8, с. 41]. Все информационные ресурсы массовой культуры направлены на дискредитацию традиционной семьи. Господство массовой культуры ведет к тому, что сфера человеческого духа оказывается под угрозой развития или насаждения плоских моделей личности, формирование «человека развлекающегося» или «человека забавляющегося» [9, с. 19]. Библейский принцип творчества – «все делайте во славу

Божию» (1 Кор. 10:31) – подменен открытой рекламой греха. Цель инструмента – унификация и примитивизация духовных потребностей человека и, как следствие, растворение традиционного уклада его жизни.

Нивелирование общества, построенного на защите со стороны старших. Авторитет старшего поколения во все времена был велик, а патриархальный строй был основой построения общества и государства. Этот принцип помогал сохранять уважение к старшим как в семье, так и в государстве, помогал сохранять национальные и этнические традиции, способствовал сплочению народа [10, с. 28]. Этот важный принцип получил достойное отражение в библейской системе ценностей в виде заповеди «Почитай отца твоего и мать твою» (Исх. 20:12) и повеления «Пред лицом седого вставай и почитай лице старца» (Лев. 19:32). Вопреки этому, сегодня активно пропагандируется идея «отсталости» старших, что способствует духовному разрыву между поколениями. Особенно это касается образов родителей, которые представляются молодежи как несовременные, закомплексованные «предки», от которых надо освободиться, чтобы добиться успеха. Как следствие этого, отмечается небывалый всплеск бунта и даже физической агрессии детей по отношению к родителям [11]. Этот бунт приобретает черты организованности в многочисленных молодежных субкультурах, формирующих среду, духовно автономную от старшего поколения со своими авторитетами и ценностями. В этом случае родители лишаются возможности оградить детей от опасности: все их попытки будут расценены детьми как грубое вмешательство «отсталого» поколения в их личную жизнь. Это позволяет нарушить процесс усвоения молодежью ценностей старших и корпоративизировать ее. Экономическим проявлением этого инструмента является «социальная мобильность вниз» – людям старшего возраста придется сдвигаться вниз по социальной лестнице, чтобы освободить место новым силам, поднимающимся снизу [12, с. 100]. За этим неизбежно следует рационализация отношений между поколениями, в том числе и в родственном плане, что ослабит семью и укрепит корпорацию.

Нарушение баланса в системе отношений между полами. Традиционная семья состоит из мужчины и женщины, поэтому важной формой ее разрушения стала внутренняя дезорганизация, представленная как «борьба за гендерное равенство». Библия говорит о том, что как мужчина, так и женщина созданы по образу Божьему (Быт. 1:28), что обуславливает их равенство и взаимозависимость [13, с. 370-381]. В то же время в межполовых отношениях существует определенный порядок (подобный правилам дорожного движения), согласно которому «жене глава – муж» (1 Кор. 11:3). Именно против этого порядка в действительности направлены идеи «гендерного равенства», сторонники которого призывают бороться против «религиозного обскурантизма» [14, с. 81]. Провозглашая «гендерное равенство», на практике его сторонники выступают за привилегированное положение определенной части общества, говоря о возможности предоставления «на определенное время части населения преференцированного отношения в определенных сферах в сравнении с остальным населением» [15, с. 66]. Настоящая причина вышеуказанного движения – утвердить то, что семья стала дополнением к карьере [16, с. 56], что вполне согласуется с целями корпоративизации. Библейская позиция состоит в том, что хотя мужчина и женщина созданы равными, они созданы разными [13, с. 378], и игнорирование этого факта может привести к глубокой дезорганизации семейной жизни. Впрочем, создание крепкой семьи и не является целью данного инструмента, его цель – смешать роли полов в семейных отношениях, дисгармонизировать и разрушить их через «конфликт ролей».

Ликвидация монополии традиционной семьи в сфере семейных отношений. Внутренние факторы дезинтеграции традиционной семьи усиливаются внешними, также очень широко применяемыми. Так называемый гражданский брак, по сути, является промежуточным звеном между семьей и бессемейностью. В то время как подлинный брак узаконивает «обоюдный завет, обещающий верность на всю жизнь и заканчивающийся сексуальным единством» [13, с. 412], гражданский брак вообще ни к чему не обязывает. Поэтому гражданский брак не может считаться браком, он является узаконенным сожителем. Широко распространенный миф о том, что предварительное сожительство благоприятствует браку, потому что партнеры могут лучше узнать друг друга до того, как принять на себя обязательства, опровергается результатами исследований. Демографы обнаружили, что союзы, которые возникли как сожительство, не только распадаются через десять лет с вероятностью в два раза большей, чем первые браки, но и браки, в которые вступают после периода сожительства, также являются менее стабильными, чем браки без предшествующего сожительства. Другие исследования показали, что сожительство также в большей мере коррелирует с домашней агрессией и социальной изоляцией, чем брак [6; 13, с. 413].

Идея легализации проституции позволила бросить еще один мостик от семейного общества к бессемейному. Показательно, что среди участников нашего опроса эту идею поддерживали в основном люди среднего и даже старшего возраста, что свидетельствует о глубоко укорененном в сознании мифе о необходимости так называемого «сексуального разнообразия».

Однако наиболее открытым проявлением тенденций антисемейности стала легализация однополых браков. Большинство опрошенных нами респондентов высказались решительно против такой «реструктуризации семьи» (Э. Тоффлер), что подтверждает связь этого явления с корпоративизацией: на Западе, где уровень корпоративизации намного выше, большинство воспринимает гомосексуальные браки как норму [17]. До недавнего времени гомосексуализм входил в перечень психических расстройств, откуда был исключен по требованию движения по защите прав геев без каких-либо обоснованных научных причин [13, с. 520]. Библия строго осуждает гомосексуализм: «Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость» (Лев. 20:13). «Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники... Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6:9-10). Цель инструментов – разрушение святости семьи и ее монополии на выполнение сексуальной функции.

Контроль над популяцией населения. Рождение детей является одним из «столпов» института семьи, обеспечивающим наиболее общественно важную его функцию – воспроизводство населения. Именно этот инструмент корпоративизации особо вдохновлен идеями основателя социал-дарвинизма Т. Мальтуса. Почитательница Мальтуса М. Зангер в начале XX века основала организацию, носящую сегодня название «планирование семьи», вдохновленную евгеническими идеями и действовавшую фашистскими методами [18, с. 255-276]. Сегодня «планирование семьи» активно пропагандирует контрацепцию, а рождение детей – как результат сознательного ее прекращения [19]. Политика так называемого «ответственного родительства» предполагает рождение детей в количестве, соответствующем финансовым возможностям. Однако этот тезис основан на подмене причины и следствия: в странах, где общество активно корпоративизируется сегодня иметь трех и даже двух детей представляется роскошью [20], и это вызвано отнюдь не тем, что люди плохо работают, а неадекватным человеческим возможностям ростом темпа жизни и потребностей в корпоративизируемом обществе.

Аборт, являющийся наиболее радикальной формой «планирования семьи», стал настоящей демографической трагедией для корпоративизируемых обществ. Количество сделанных абортов столь велико, что впору сопоставлять его с общей численностью населения. Несмотря на варварские методы и очевидную аморальность, количество абортов постоянно растет. Растет по мере того, как под влиянием корпоративизации ценность человеческой жизни постепенно девальвируется, становится сугубо маргинальной. Согласно учению Мальтуса, всякий человек, не приносящий прибыли, является «лишним», нарушая баланс между производством и потреблением. Поэтому разговоры о возможности абортить «нежеланных» детей – не что иное, как проявление идей Мальтуса, внедренных корпоративизацией для формирования оптимального, с точки зрения прибыли, количественного состава трудовых ресурсов. Библейское учение по этому вопросу наиболее ясно выражено в следующих словах: «Ты устроил внутренности мои и соткал меня во чреве матери моей. Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был во глубине утробы. Зародыш мой видели очи Твои» (Пс. 138:13,15-16). Согласно Библии, жизнь человека начинается с момента зачатия, поэтому аборт не может рассматриваться иначе, чем убийство.

Вопросы, связанные с попытками полного или частичного клонирования человека, вызывают массу споров и вопросов к обсуждению. Мы не будем останавливаться на них, а лишь рассмотрим те угрозы, которые возникают в данном вопросе в связи с корпоративизацией. Достоверно известно, что Гитлер мечтал создать армию клонов арийской расы. Сегодня идея клонирования людей вновь приобрела актуальность, став «самым пиком постмодерна» (А. Дугин). Разрабатываемые сегодня генетиками технологии, например «генетического профиля», «младенца на заказ» и т.п. рождают колоссальный простор для манипуляций с генами при их модификации. Ф. Фукуяма небезосновательно утверждает, что развитие биотехнологии «дадут обществу новые средства для контроля над гражданами, изменят наше понимание личности и идентичности человека, перетряхнут существующие социальные иерархии», более того, «природа человека есть самая основа нашего понятия о справедливости, морали и хорошей жизни, и все это изменится с распространением новой технологии» [12, с. 122]. Проводя эту параллель, мы утверждаем, что, попав на почву коммерциализации, генетика может стать средством воплощения целей, подобных целям Гитлера. Не

вызывает сомнений заключение Ф. Фукуямы о приоритетности в генетических исследованиях интересов получения прибыли [12, с. 260], поэтому идеи создания «транс- и постлюдей» [21, с. 609-619], способных питаться пищей для животных, выполняющих монотонную работу и сражающихся на войне вместо людей [22] представляются совершенно утопичными. Скандалы, связанные с принуждением женщин к абортам с целью использования в косметологических целях стволовых клеток, – это только один из многочисленных примеров проявления корпоративизации в этом ее инструменте. Большинство опрошенных нами респондентов выступают категорически против клонирования, и в этом их позиция согласуется с библейским учением. Согласно Библии, Творцом человека является Бог, поэтому попытки клонирования человека выглядят не иначе, как «игра в Бога», что осуждается (Быт. 3:5; Ис. 14:12-15).

Закрывает группу «демографических» инструментов корпоративизации эвтаназия. В наши дни она рассматривается как добровольная процедура, якобы направленная на то, чтобы облегчить страдания тяжело больных, однако недавняя история дает нам примеры стран (причем далеких от тоталитаризма), которые вплотную подошли к разрешению обязательной эвтаназии на законодательном уровне [23, с. 134]. Существует угроза того, что общество, руководствующееся исключительно соображениями экономической оптимизации, превратит эвтаназию в способ «ликвидации» использованных трудовых ресурсов. Показательно, что эвтаназия определяется, как «намеренное умерщвление действием или бездействием человека, основанное на мотиве бесполезности его жизни» [13, с. 475]. Такая формулировка очень опасна, так как она допускает широкую интерпретацию понятия «бесполезности», в зависимости от того, кто будет признавать человека «бесполезным». Да, «с точки зрения евгенического вмешательства нет принципиальной в том, от кого исходят решения: от заботливого государства или от любящих родителей» [23, с. 124]. Однако, с точки зрения мотивов такого вмешательства, существует принципиальная разница, так как корпоративизация рассматривает любого человека, не приносящего прибыли как «бесполезного». Библия осуждает эвтаназию, признавая право давать и забирать жизнь исключительно за Богом: «Я – и нет Бога, кроме Меня: Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю, и никто не избавит от руки Моей» (Втор. 32:39). Цель инструментов – ослабление воспроизводственной функции семьи.

Дискредитация христианства. Традиционная семья не может быть разрушена без разрушения библейского христианства. Согласно Библии, семья – это институт, установленный Самим Богом от сотворения мира (Быт. 2:21-24). Наиболее популярным способом дискредитации библейского христианства является якобы его причастность к преступлениям средневекового папства (инквизиция, крестовые походы и т.д.). Анализ библейского учения показывает, что подобные действия были грубым искажением идей христианства. А.А.Опарин отмечает, что расцвет атеизма был обусловлен лжехристианской политикой средневекового папства, «приведшей к тому, что люди возненавидели не только церковь, но и Бога, Которого она якобы проповедовала» [24, с. 103]. Далее последовало внедрение теории эволюции Ч.Дарвина, призванной перестроить общественное сознание и подготовить его к принятию принципов нового мирового порядка. Происходило это путем экстраполяции биологической эволюции на общественные процессы. Во времена Дарвина «идея социальной эволюции давала интеллектуальную и моральную поддержку, позволяя обращаться с непромышленными народами как с низшими и, следовательно, непригодными для выживания» [22]. Наивными и абсурдными выглядят попытки некоторых исследователей отмежевать биологическую эволюцию от дискредитировавшего себя социал-дарвинизма [23, с. 127]. Забавно, но эту попытку пресекает сам Дарвин своим произведением «Происхождение видов», второе название которого звучало не иначе как «Сохранение привилегированных рас в борьбе за жизнь».

Но, пожалуй, наиболее коварным инструментом этой группы является распространение восточных учений (йога, медитация и т.д.), объединенных воедино неформальным движением «Новый век». Это движение очень важно для корпоративизации, поскольку оно, во-первых, поддерживает глобализацию, а во-вторых, разрушает христианское учение о грехопадении и нужде человека в спасении, предлагая каждому человеку открыть «бога» внутри себя и таким образом решить все свои проблемы [25, с. 323, 362]. Коварство этого инструмента в том, что его подрывные цели глубоко завуалированы, поэтому неудивительно, что этот инструмент принимается за норму наибольшим количеством опрошенных по сравнению со всеми другими. Тесно с «Новым веком» связан другой инструмент этой группы – экуменическое движение, в ходе которого предполагается сформировать единую мировую религию, а на ее основе – «глобальную духовность» (Р. Мюллер). Внешне благие цели обеспечивают выполнение отнюдь не благих целей корпоративизации. Единую мировую религию предполагается сконструировать так, чтобы она охватывала все существующие

религиозные традиции и свободно адаптировалась к мировой программе. В этом квазиобъединении мировых религий библейское христианство представляется преградой на пути зарождающегося нового мирового порядка [24, с. 191, 192].

Наиболее современным инструментом этой группы стало обвинение христианства в якобы манипулировании массами. По мнению В.С. Цаплина, «религиозная основа бесплатных благотворительных “услуг” объективно заключается в стремлении воспитать нерассуждающее послушание и легко манипулируемую массу» [26, с. 130]. Не отрицая, что подобное злоупотребление имеет место, отметим, что библейское христианство основано на идее индивидуального спасения и общения с Богом без посредничества церкви: «Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус» (1 Тим. 2:5). Цитированное выше заявление Цаплина основано на совершенном незнании этого принципа и принятии лжехристианства за библейское. Грубое невежество подобных разоблачителей способствовало появлению и широкому одобрению фильма «Дух времени», работающего в системе дискредитации христианства корпоративизацией. Этот фильм получил широкую поддержку в среде антиглобалистов, которые даже не заметили, что некоторые тезисы, звучавшие в фильме (например, астрологическое объяснение идеи Иисуса Христа), явно вдохновлялись постулатами масонства.

Необходимо заметить, что хотя корпоративизация и направлена на дискредитацию христианства, она отнюдь не ратует за его полное уничтожение, она скорее стремится встроить его в систему нового мирового порядка во главе с корпорациями. Другими словами, если религия, исповедуемая работником, способствует достижению максимальной прибыли, корпорации не только не будут запрещать, но даже будут поощрять религиозные практики, как сегодня многие из них предлагают своим работникам сеансы восточной медитации с целью увеличения производительности труда [25, с. 312]. Но если исповедуемая работником религия будет по каким-либо причинам мешать максимизации прибыли корпорацией, работника поставят перед жестким выбором: либо отказаться от принципов своего вероисповедания, либо освободить рабочее место. Цель инструментов – разрушение морально-этической базы, на которой строится традиционная семья и субъективация правил семейной жизни.

В рамках изучения корпоративизации нами был проведен небольшой социологический опрос, призванный определить отношение граждан к инструментам корпоративизации. Результаты этого опроса приведены в таблице 1.

Таблица 1

Отношение к инструментам корпоративизации отдельных возрастных групп, %

Инструмент	Молодой		Средний		Пожилой		ВСЕГО	
	N	T	N	T	N	T	N	T
«Отсталость» старшего поколения	50,00	50,00	20,00	80,00	20,00	70,00	30,00	66,67
Молодежные субкультуры	40,00	50,00	50,00	40,00	30,00	70,00	40,00	53,33
Эвтаназия	50,00	50,00	40,00	50,00	50,00	50,00	46,67	50,00
Феминизм	80,00	20,00	50,00	30,00	50,00	30,00	60,00	26,67
Аборты	30,00	70,00	40,00	50,00	40,00	50,00	36,67	56,67
Клонирование человека	0,00	100,00	30,00	70,00	20,00	70,00	16,67	80,00
Однополые браки	10,00	90,00	20,00	80,00	0,00	80,00	10,00	83,33
Легализация проституции	10,00	90,00	70,00	30,00	70,00	10,00	50,00	43,33
Гражданский брак	40,00	60,00	80,00	10,00	40,00	60,00	53,33	43,33
Дарвинизм	80,00	20,00	60,00	40,00	10,00	50,00	50,00	36,67
Пантеистические учения	80,00	20,00	70,00	30,00	70,00	30,00	73,33	26,67

N – считают данное явление нормой, T – считают данное явление проблемой

На первый взгляд, большинство из вышеизложенных явлений очень далеки от экономики, но каждое из них имеет глубокие экономические корни. Очевидно, что если конечная цель корпоративизации будет достигнута, и корпорация займет место семьи на вершине ценностной иерархии, это резко повысит прибыльность корпораций вследствие возможности более интенсивного использования труда. Это будет поистине триумф управленческого принципа «подчиненности интересов» А. Файоля, согласно которому интересы корпорации стоят выше интересов работников. Однако в этом случае «корпоративный капитализм», в условиях которого мы сегодня живем, превратится в корпоративный фашизм, а проявляющийся сегодня в отдельных частях света (например, в Юго-Восточной Азии) «терроризм глобальных корпораций» (О. Билорус) распространится на всю планету и станет «новым тоталитаризмом» [27].

Постиндустриальный рынок труда: новая форма – старое содержание

Результатом воздействия на общество вышеописанной совокупности инструментов корпоративизации является постепенное формирование унифицированной системы ложных ценностей. В основе этой системы лежит утилитаристская модель «рациональных ценностей», согласно которой нравственным является то, что приносит наибольшую выгоду [28, с. 260]. Сегодня мы живем в условиях «финансовой цивилизации», «денежного порядка», в котором доминирующими ценностями являются карьера, власть и прибыль [29], а основная жизненная установка состоит в том, что все можно купить за деньги [30].

Очевидно, что надежды на преодоление этой установки в условиях «постиндустриального» (Э. Тоффлер) или «постэкономического» (В.Иноземцев) общества, как и на то, что экономика, основанная на знаниях и информации, станет эпохой настоящей гуманизации и развития творческих способностей человечества, абсолютно не оправдались. Постиндустриальное общество не является гуманистическим, как утверждает А. Гальчинский [31, с. 8]. Наоборот, идея прибыли и вера в то, что все можно купить за деньги в нем даже превосходит в степени корыстности индустриальную эпоху [32, с. 8]. Абсолютно справедливо, что «творчество, которое есть сегодня, не есть духовный взлет человека. Творчество полностью подчинено коммерческим целям» [30]. Деньги стали абсолютным эквивалентом возможностей человека, в том числе духовных, творческих, волевых. Возникла реальная зависимость человека творческого от человека, финансирующего это творчество [33, с. 13]. Подобная ситуация способствует интеллектуальному расслоению общества, поэтому ни о каком прогрессивном развитии говорить не приходится [26, с. 126].

Несмотря на трансформацию трудовой деятельности из физической плоскости в умственную, древний закон рынка, согласно которому спрос определяет предложение, ничуть не изменился, и сегодня он действует в офисах и банках так же, как раньше действовал на заводах и фабриках. Существенной особенностью экономизма является нормативное преувеличение логики рынка, сведение ее к главному принципу координации общества. Это означает ограничение логики сосуществования людей экономической логикой взаимовыгодного обмена благами. Представление о «правильной» (рациональной) организационной политике уже не осознает ограниченности такого понимания жизнеустройства, не понимает необходимости духовно-мировоззренческой интеграции нормативной логики рынка. Тем самым оно превращается в «принципы» исключительно экономического обустройства социального мира. Вместо того чтобы адаптировать рынок к социальным отношениям сами эти отношения и запросы радикальным образом подгоняются под требования рынка [33, с. 426]. Это касается, в том числе и интересующего нас вопроса о трансформациях на рынке труда: любой труд (в том числе и творческий) ценится лишь постольку, поскольку на него есть спрос. Возникает вопрос: как повлияет такая установка на социально-трудовые отношения в условиях глобализации, предполагающей «абсолютную мобильность факторов производства» [34, с. 6]?

По нашему мнению, подобная ситуация даст импульс к абсолютизации мобильности труда, как фактора производства. Как справедливо отмечает В.В. Ильин, «финансовая цивилизация (финансизм) предусматривает новые символы времени и развития, а именно реактуализирует фаустовскую идею – как определенную идею силы, бесконечно действующую для преодоления преград, и, прежде всего, – для получения сверхприбылей» [33, с. 447]. От себя уточним: для преодоления любых преград на пути получения сверхприбылей. Ж. Аттали в своей книге «Линии горизонта» прогнозирует наступление торговой эпохи с культом денег. Ее высшее воплощение – торговец, не имеющий ни культуры, ни родины, ни семьи, а ведущий образ жизни «номада», то есть кочевника, постоянно

перемещающегося по всей планете в поисках максимальной прибыли. У остальных людей выбор простой: либо конформировать с этим обществом кочевников, либо быть исключенным из него [18, с. 204-205]. Именно такое состояние общества является идеальным для корпоративизации и корреспондирует с ее конечной целью – новым мировым порядком.

Социологические исследования отмечают тенденцию роста мобильности работников по мере уменьшения их возраста: молодежь гораздо в большей степени, чем старшее поколение, выражает готовность к переобучению и переезду на новое место жительства в интересах трудоустройства [35, с. 45]. «Сегодня мы ассимилируем свое бытие в новую систему постиндустриальных ценностей и новую эволюционную концепцию, которые создают условия для выживания лишь населения с высоким образовательным уровнем. Закономерно, что вскоре мы услышим также другие научные (скорее, псевдонаучные – Я.Л., М.Н.) утверждения – о том, что значительная часть неквалифицированного населения не способствует росту экономического могущества страны и позорит ее международный имидж. И тогда, вероятно, прогрессивный «постмодерн» легко превратится в регрессивную человеконенавистническую теорию Мальтуса, который в начале XIX в. объяснял безработицу и обнищание не социальными причинами, а чрезмерно быстрым ростом населения. Поэтому он предлагал работающим удерживаться от браков и деторождения, а голод, безработицу и эпидемии объявил в свое время благодеяниями природы» [36, с. 16].

Неоднократное упоминание имени Мальтуса в нашей статье не случайно: нам представляется, что именно он более всего соответствует роли «духовного вдохновителя» корпоративизации. Идея Мальтуса о том, что все «лишние» (не приносящие прибыли и пользы обществу) люди должны «уйти» особенно приятна для корпоративизации, стремящейся к оптимальному (минимум затрат – максимум прибыли) соотношению «трудовых ресурсов». Тезис о моральной индифферентности экономики превращает человека в «вещь для экспериментатора» (С. Кара-Мурза) наравне с сырьем, топливом или другими производственными активами. Такой взгляд, в свою очередь, формирует к «трудовому ресурсу» отношение, аналогичное отношению к другим ресурсам: предприниматель «покупает рабочую силу и использует ее для извлечения дохода» [37]. Именно в этом суть «транснациональной изнанки геоэкономического мироустройства» (А. Неклесса), сдерживаемый цивилизацией порыв к инволюционному, хищническому использованию ее потенциала с целью извлечения краткосрочной прибыли, а также контроль над различными видами асоциальной практики [38].

Наиболее ярким примером мальтузианских корней корпоративизации является критика системы социальной поддержки малоимущих. Мальтус писал: «Необходимо открыто отказаться от признания за бедными воображаемого права содержаться на общественный счет... На основании неизменного принципа общей пользы одобрение, выраженное Христом поступку Самаритянина, нисколько не противоречит правилу ап. Павла: кто не хочет трудиться, тот не имеет права на пропитание» [39]. Ошибка Мальтуса в том, что приведенная им цитата из Библии (2 Фес. 3:10) истолкована в соответствии с конъюнктурными соображениями его теории. Анализируя контекст, мы приходим к выводу, что эти слова направлены на осуждение лени и призыв к труду (2 Фес. 3:11-12). При концептуальном анализе христианского учения становится очевидным, что принцип перераспределения части доходов богатых в пользу бедных не только одобрялся, но и практиковался в первых христианских общинах: «Ныне ваш избыток в восполнение их недостатка; а после их избыток в восполнение вашего недостатка, чтобы была равномерность» (2 Кор. 8:14). Инструментом перераспределения дохода был и продолжает оставаться государственный патернализм – объект критики неолиберализма, движимого сформированными Мальтусом принципами социал-дарвинизма и корпоративизации. «Традиционное общество основано на патернализме, то есть на покровительстве государства и заботе о не способных преуспеть... Но либерализм его жестко отвергает, а само слово почитает ругательством – либерализм исповедует вымирание слабых, называя это “повышением эффективности”» [18, с. 316].

Критики такого нашего подхода возразят: «Если бы это было правдой, было бы легко прогнозировать траекторию перемещения богатства: тогда можно было бы обнадежить Африку, где находится огромный резерв самой дешевой на земле рабочей силы» [40, с. 107-109]. Однако подобная точка зрения не учитывает тот факт, что процесс корпоративизации находится в незавершенном состоянии, поэтому эксплуатационный механизм корпоративизации работает с помехами. Второе возражение против нашего подхода состоит в том, что принцип взаимозаменяемости работников, составляющий основу отношения корпоративизации к труду, ослабляется по мере того, как повышается квалификация выполняемой работы [40, с. 107-109]. Ответом на это соображение станут

слова О.Г. Билоруса, который отмечает, что «под влиянием процессов силовой глобализации и глобальной конкуренции происходит жесткое и необратимое разделение людей, социальных групп, национальных обществ по степени их участия в создании и использовании высоких (информационных) технологий и уровню богатства, независимости и конкурентоспособности» [27]. Такое положение вещей, по сути, означает, что высокий уровень конкуренции и взаимозаменяемость рабочей силы существуют на всех профессионально-квалификационных уровнях, поэтому у корпораций не будет проблем при замене любого работника, препятствующего максимизации прибыли.

Однозначно заявить, что формируемая корпоративизацией система ценностей ложная и аномальная позволяет установленный социологическим исследованием факт, согласно которому в наибольшем выигрыше от рыночных трансформаций на постсоветском пространстве оказались люди, готовые при необходимости отказаться от каких бы то ни было моральных норм [41, с. 92-93]. Возрастает «поколение, готовое унижаться перед начальством и одновременно унижать своих подчиненных» (Я. Валюкенас). Успех моральных релятивистов, которого они добились в водовороте реформ 90-х годов прошлого века, напомиравших порой «рыночный бандитизм» (В. Кремень), объясняется просто: лежащее в основе социал-дарвинизма состояние «войны всех против всех» является наиболее благоприятным для аморальных и беспринципных людей. Не зря патриарх неолиберализма и активный сторонник социал-дарвинизма Ф. Хайек допустил необходимость устранения солидарности и сочувствия [42, с. 90-91].

Таким образом, традиционная семья, как основа старого мирового порядка оказалась под перекрестным огнем с одной стороны из-за деградации христианских ценностей, а с другой стороны – из-за усиления влияния корпорации на общество. Данные многочисленных социологических исследований [6; 16; 43; 44] отмечают кризисное и даже катастрофическое состояние института семьи. Под влиянием рыночных трансформаций и коммерциализации семья постепенно теряет главенствующее положение в системе ценностей, либо отходя на второй план (приложение к карьере) либо становясь коммерческим проектом. Все это происходит, несмотря на то, что, согласно опросам [8; 35; 45] семья занимает главенствующее положение в системе ценностей общества. Причинами подобного парадокса мы считаем, во-первых, то, что «приоритетность ценностной ориентации еще не гарантирует адекватного поведения» [45, с. 125], а во-вторых, в системе ценностей отсутствует или занимает последние места вера в Бога. Это лишает ценностные ориентации четкого авторитета и устойчивости и означает, что в случае довлеющих обстоятельств эта ценность может быть легко преодолена: в исследовании, проведенном организацией «Барна групп», 83% опрошенных молодых людей заявили, что для них нравственная истина зависит от обстоятельств. Только 6% заявили, что нравственная истина – неизменна [46, с. 6].

Идеология глобализма, одним из главных глашатаев которой выступает З. Бжезинский, предполагает не только разрушение государства, национальной культуры и церкви, но и уничтожение института семьи посредством пропаганды разных сексуальных альтернатив [47, с. 59]. Другой глашатай глобализма Э. Тоффлер рассматривает распад традиционной семьи как «часть общего кризиса индустриализма – развала всех институтов, порожденных Второй волной», а легализацию сексуальных патологий называет «реструктуризацией семьи» и «разнообразием новых типов семьи» [22].

Индивидуализация высвобождает людей из традиционных семейных отношений. Прежняя семья переживает углубляющийся кризис. В США половина зарегистрированных браков распадается. В Германии эта доля составляет одну треть, а почти такая же часть населения не стремится к прочным узам. Возникает форма договорной семьи на время. Все больше людей предпочитают жить одни. По мнению У. Бека, существующий рынок абстрагируется от потребностей семьи, брака, материнства и отцовства. Со всем этим рынок будет менее гибким и эффективным, что отрицательно скажется на конкурентоспособности [48, с. 11]. Именно в этом (а не в некоем «стереотипе гендерного неравенства») кроется причина трудовой дискриминации женщин: компании не желают принимать на работу сотрудников, у которых есть маленькие дети или которые «два месяца поработают, а потом в декрет» [16, с. 51]. По этому поводу С. Егишянц иронично замечает: «У вас нет работы, и вы еле сводите концы с концами? Сами виноваты – зачем вам ребенок? Жили бы одни да забот не знали» [18, с. 228]. Разумеется, никто силой не заставляет людей отказываться от семьи или от детей (как в «идеальном» государстве Платона), но обстоятельства корпоративизирующегося общества невольно «подталкивают» к этому.

В целом, подводя итог описанию сущности постиндустриального рынка труда, важно подчеркнуть, что «стремления участников рынка к постоянному повышению своей конкурентоспособности возможно только в состоянии стабильного соответствия рыночных мотивов коммерческим стимулам» [1, с. 82]. Опасность такого мировоззрения состоит в коммерциализации всех сфер жизни общества и его тотальной ценностной унификации на этой самоубийственной основе.

Общество корпоративной сети – индивидуализированная масса

При рассмотрении сущности постиндустриального общества, формирование которого напрямую коррелирует с корпоративизацией, можно столкнуться с многочисленными подтасовками и явно ошибочными выводами. Прежде всего, это касается голословных заявлений о том, что «общество перестает быть массовым» [22], дополненных утверждениями, согласно которым «логика гомогенно целостной системы корреспондирует с принципами индустриальной глобализации, а логика сложной гетерогенной системы – постиндустриальной цивилизации» [31, с. 5-6]. Спекуляции в этом вопросе происходят вследствие наделения используемых понятий изначально неправильным смыслом. В качестве мнимого аргумента в пользу процесса демассификации общества часто приводится идея о том, что общество получает больше разнообразия и выбора всевозможных товаров и услуг, что ведет к формированию разнообразных потребностей [22]. Однако такая аргументация бессмысленна и основана на явной подмене понятий. Плюрализм и различные потребительские предпочтения существуют с незапамятных времен, и их наличие не имеет никакого отношения к определению того или иного общества как массового. Массовое общество – это общество, в котором все потребности (пусть даже разнообразные) встроены в одну систему и направлены на достижение одного и того же результата. Именно такую систему формирует корпоративизация в сфере:

- экономики (трансграничный рынок контролируется глобальными корпорациями, формирующими «глобальное предложение» (О. Билорус) и получающими прибыль от удовлетворения потребительского спроса);

- политики (взаимопроникновение бизнеса и власти и доминирование в политической деятельности частных интересов);

- религии (формализация и примитивизация веры до уровня обрядов и ритуалов, выполняемых механически, без каких-либо внутренних мотивов и воплощения в практическую жизнь Божьих принципов, «имманентность ритуального вопреки трансцендентности Идеи» (Ж. Бодрийар)).

А. Кендюхов, верно подмечая действие этой системы, пишет: «В будущем все правящие режимы будут носить псевдомократический характер, хотя, по существу, это будут режимы диктаторские. При этом люди будут верить, что они влияют на власть, что они ее выбирают, что они придерживаются веры в соответствии со своей религией и что корпорации заботятся об удовлетворении их потребностей» [30]. Как в былые времена расчетливые люди поддерживали обе стороны в войнах, так и сегодня корпоративизация не делает ставку на какой-то из вариантов выбора индивида, а сама формирует весь спектр возможных вариантов, используя их для достижения своих целей. В этом случае абсолютно безразлично, какой маркой автомобиля или стирального порошка пользуется человек, кого он поддерживает на выборах и какую религию исповедует. Гораздо важнее, что ценности такого человека соответствуют установкам корпоративизации, а значит «насос, перекачивающий деньги и прочие материальные ценности с нижних слоев общественной пирамиды к ее верхушке» [30] будет стабильно работать.

Постоянно упоминая о том, что глобализация является процессом, формирующим единое мировое сообщество, подавляющее большинство исследователей не уточняют, на основании чего может быть достигнуто такое единение. Правда состоит в том, что «несостоявшееся духовное и социальное единение планеты на практике замещается ее хозяйственной унификацией» [4, с. 42]. «Колонизация» жизненного мира рациональностью элиминирует из повседневной жизни морально-практические элементы, заменяя их функциями и императивами систем хозяйства и власти. При этом экономическая и административная рациональность проникает в те сферы жизни, в которых социальная интеграция и идентичность испокон веков опирались на культурные ценности и воспитание, на нормативные образцы поведения, освященные культурной и религиозной традицией. Вследствие этого формируется «одноизмеренность мысли и поведения» человека (Г. Маркузе) – новый, самый опасный вид тоталитаризма, когда тоталитарным становится сам производственный механизм. В этом новом тоталитаризме деньги выступают как чувственно-наглядное выражение

«одноизмеренности», универсальный посредник, связывающий человека со всеми формами потребления, являющимися, по сути, формами социального контроля над ним [49, с. 17].

Складывающийся на планете прагматичный геоэкономический универсум демонстрирует сложноподчиненную комбинацию многообразных ресурсных потоков. Подобная структура тяготеет к логике глобального управления и долгосрочного планирования. Она обладает колоссальной социальной инерцией, прямо и опосредованно воздействуя на подвластные пространства, формируя и фиксируя определенные стереотипы и социокоды. Вместе с тем, административное могущество геоэкономического универсума находится в достаточно сложных взаимоотношениях со свободной человеческой личностью, полагаясь скорее на информационные ресурсы, нежели на творческие. Логика свободы, этой купели творческого дара, по своей сути антагонистична каталогизаторской логике, лежащей в основе глобального перераспределения ресурсов. Основные свойства высшего ресурса человечества – творческого дара, противоположны не только оптимизационным достоинствам административного ресурса, но и базовым характеристикам дара низшего – ограниченных и не возобновляемых природных ресурсов [50, с. 63]. Если принимать вышесказанное во внимание, то нет никаких оснований утверждать, что «метаэкономика» (экономика знаний) является самоотрицанием рынка или перестает быть рыночной, как это делает А. Гальчинский [31, с. 8]. Мы утверждаем, что «метаэкономика» есть перерождение рыночных отношений с последующим поглощением ими всех сфер человеческой жизни, и в этом «метаэкономика» соответствует понятию «экономический империализм» (Л. Тутов, А. Шастико). В этих условиях «политическая экономия уходит в гиперреальность экономики (характеризующуюся безмерным наращиванием производства, преобладанием производства спроса над производством товаров и бесконечной чередой кризисов)» [51].

Суть перерождения законов рынка в том, что в условиях информационной экономики они побуждают к массовому производству новых потребностей (в большинстве случаев виртуального, информационного характера, с коротким жизненным циклом). Вооруженная основным производственным (информационным) ресурсом часть общества эксплуатирует потребности других, в чем усматривается рождение следующей (пострыночной, постэкономической) тоталитарной концепции, которая будет основываться на информационном манипулировании общественным сознанием [36, с. 15-16]. Подтверждением такой роли информации в современном обществе может послужить высказывание президента Национальной радиокomпании Украины В. Набрузко, который в эфире украинского радио, недавно заявил: «Медиа должны сыграть колоссальную роль в сфере формирования новых стереотипов. Мы должны не просто мировоззренчески влиять и изменить восприятие мира, мы должны сформировать нового человека». Можно обоснованно утверждать, что средством контроля общественного сознания выступают СМИ, которые «выделяют отдельные элементы событий или явлений и придают им особое значение, преувеличивая ценность одних, обесценивая другие, и тем самым участвуя в формировании масс, человека массового» [52, с. 60-61]. Человек массы – это «полуобразованный человек, наполненный сведениями, нужными для выполнения контролируемых операций» [7]. Такое положение индивида рождает вполне обоснованные опасения, что «новое рабство имеет все шансы стать “хуже прежнего”»: вырвавшаяся из темных глубин свобода технически оснащенного насилия и контроля над человеческой личностью обернулась на практике реализацией “кошмара конвейера”, деструкцией, поставленной на поток, высокотехнологичными войнами и тоталитарной антиутопией» [50, с. 69].

Спекуляция понятиями и необоснованные заявления о якобы наблюдающейся тенденции индивидуализации и демассификации общества являются следствием подмены реального анализа происходящего различными утопическими конструкциями, наподобие «третьей волны» Э. Тоффлера. Исторические корни этих конструкций уходят во времена французской революции – события, «давшего надежду на то, что человечество сможет само сотворить новое небо и новую землю» [53, с. 36]. На самом деле подобные конструкции – не что иное, как «тема деконструкции связанной с глобализацией массовой мифологии, подчас затмевающей драматичные реалии нового мира, скрывающей процесс его осмысления» [50, с. 70]. Если мы наберемся смелости посмотреть правде в глаза, то увидим, что информационное общество представляет собой странную и весьма парадоксальную картину, умещающуюся в короткую формулировку – «индивидуализированное массовое общество». Основная черта индивидуализированного массового общества (массы, состоящей из обособленных, но сходных между собой индивидов) – индивидуализация без производства индивидуальности и личности [32, с. 5-6]. В условиях экспансии рынка и телевидения индивидуализация вызывает обратного рода явления – стандартизацию и унификацию норм

существования. Так образуется некий гибридный вид индивидуализированной и в то же время массовой публики, «стандартизированное коллективное бытие разобщенных массовых отшельников» (У. Бек) [48, с. 11].

Применяя вышеуказанную идею к анализу трансформаций в сфере социально-трудовых отношений, приходим к выводам, подтверждающим наши предположения относительно сущности корпоративизации. «Конкурентный процесс приводит к мотивационной интеграции, образуется единый реальный рыночно-коммерческий процесс, в котором формируется однородный конкурентно-мотивационный механизм реализации требований закона конкуренции» [1, с. 75, 76]. В.В. Ильин разъясняет: «Финансовый рынок предлагает более быстрые и крупные прибыли, но он требует совсем иного мышления, иной реакции на происходящие в реальности перемены, иного человека» [33, с. 506]. «Иной человек» – это человек, прошедший процесс гомогенизации поведенческих мотивов и ценностей, продукт корпоративизации, интегрированный в формируемую систему мироустройства для выполнения функций, возложенных на него корпорацией, как базисной социальной единицей нового мирового порядка. Ю.В. Павленко отмечает, что по мере формирования нового мирового порядка «складывается такая жестко общественно-иерархическая система, в условиях которой отдельный человек (домохозяйство, семья) теряет самодостаточную автономию относительно органов отделенной от общества власти» [54, с. 29]. Здесь социалистический эксперимент прошлого века может получить неожиданную перспективу. Опыт коммунистического постмодерна можно в этом случае рассматривать как футуристическое (забегающее в будущее) отрицание публичной власти ради полуанонимной, законодательно нечетко фиксированной, но фактически тотальной власти организации – треста или госкорпорации, которая посредством системы назначаемых ею управляющих (номенклатуры) контролирует пространство страны (группы стран, а в идеале – весь мир) [38].

По мере углубления и ускорения корпоративизации, коррелирующих с формированием «новой экономики», происходит «демонтаж государства всеобщего благосостояния» [55]. Вместо него бывший премьер-министр Великобритании Т. Блэр предлагает «государство всеобщего труда». Основное назначение такого государства – побуждать, а если понадобится, то и принуждать человека активнее искать работу или соглашаться на любую предложенную [48, с. 10]. Темп жизни постоянно ускоряется, происходит «американизация времени» (Э. Тоффлер), «скоростная ритмичность, как и пространственная турбулентность, определяет возрастающий динамизм экономических процессов, невиданную для индустриальной глобализации максимизацию их скоростных характеристик» [31, с. 14]. В таком обществе жизнь человека становится похожей на «бег впереди поезда», и это позволяет согласиться с С. Егишянцем в том, что ««общество равных возможностей» на самом деле обрекает всякого человека на жизнь, подобную бесконечной гонке. Он не может расслабиться ни на миг, ибо в противном случае его обойдут – а в таком обществе быть обойденным означает порой отстать навсегда» [18, с. 245].

Трансформация «государства всеобщего благосостояния» в «государство всеобщего труда» в сочетании с постоянным ускорением темпов жизни способствует формированию и развитию диктата со стороны корпораций, как субъектов, предъявляющих спрос на рабочую силу. Боясь потерять источник дохода (рабочее место) и выпасть из заданного темпа жизни, люди соглашаются на условия, которые ранее были для них недопустимыми: более продолжительный рабочий день, отсутствие социальных гарантий, ненормативные условия труда, неуважительное и даже унижительное к себе отношение. Ярким примером этого проявления корпоративизации служит «корпоративный беспредел» в Украине: сотрудники компаний подвергаются психологическому давлению, сексуальным домогательствам и превращаются у работодателей в офисную прислугу [56]. Несмотря на все это, подавляющее большинство сотрудников не увольняются, что вполне объяснимо наличием таких регулярных потребностей, как питание, оплата коммунальных услуг, а для многих еще и погашение кредитов, а также тем, что в условиях кризиса найти новое место работы очень проблематично. Пытаясь сопротивляться всеохватывающей власти корпорации, выжимающей из них все «соки», работники платят ей «той же монетой»: воровство и целый ряд других преступлений на рабочем месте распространены практически повсеместно [57]. Специалисты объясняют это сложившейся спецификой рынка труда: многие сотрудники не желают принимать компанию, как «дом родной» и рассматривают ее как средство выживания и источник, из которого можно, при наличии умения, «выкачать» деньги [58]. Коварство корпоративного диктата в том, что работники, чья деятельность мотивирована по канонам постэкономической эпохи «не ощущают, что их эксплуатируют как класс» (П. Дракер). Таким образом, признается, что эксплуатацию можно

рассматривать не только как объективную данность, но и как феномен сознания, и, следовательно, преодолеть ее можно через изменение ценностей и приоритетов личности [59]. Постиндустриальная экономика преодолевает не саму эксплуатацию, а ее ощущение работниками, формируя с помощью инструментов корпоративизации мировоззренческие установки, которые «легализируют» новый мировой порядок.

Критики могут возразить против нашего заключения, указывая на то, что на данном этапе наблюдается перестроение структур управления корпорациями из вертикальных в горизонтальные, что предполагает большую автономию в структуре корпорации [6; 31, с. 10-11]. Однако нас интересует не степень централизации управления в самой корпорации, а скорее степень зависимости от нее работников. М. Кастельс по этому поводу пишет: «Налицо историческая тенденция к росту взаимозависимости рабочей силы в глобальном масштабе через три механизма: глобальная занятость в мультинациональных корпорациях и связанных с ними пересекающих границы сетях; влияние международной торговли на занятость и условия труда как на Севере, так и на Юге; влияние глобальной конкуренции и нового гибкого менеджмента на рабочую силу каждой страны» [2].

Корпоративизация расширяет рынок до пределов информационной сети, главным субъектом которой собственно и выступает корпорация, трансформирующаяся в специфическую «электронную нервную систему» (Б. Гейтс) [60, с. 8]. О непосредственной связи формирования « сетевого общества» (М. Кастельс) с «корпоративизацией» (М. Нестеренко) свидетельствует тот факт, что «сети людей все более замещают (особенно для женщин) нуклеарные семьи в качестве первичных форм эмоциональной и материальной поддержки» [2].

Современная система силового корпоративного глобализма, зародившаяся в 90-х гг., является не только реальностью, но и представляет собой мировую власть. Свыше 66 тыс. ТНК превратились в глобальные корпорации и образовали глобальную мегасетевую систему, состоящую из более чем 600 тыс. компаний и определяющую развитие экономики и финансов всего мира [27]. Корпоративная сеть представляет собой одно из наиболее ярких проявлений корпоративизации, в интересах которой глобализация стремится «соединить всех людей и все территории в глобальную сеть, напоминающую гигантский мозг» [40, с. 126-129].

По мнению А. Гальчинского, «информационная сеть влияет не только на обновление экономических процессов. В информационную эпоху все больший вес приобретают различные по своему содержанию социально интегрированные сети, которые в сочетании с экономическими сетями корреспондируют с утверждением социального капитала – одного из определяющих факторов современного постиндустриального развития» [31, с. 11]. Однако не все исследователи столь оптимистичны в своих оценках системы корпоративной сети. И. Андреев пишет: «Тотальная компьютеризация способна поставить личность под контроль Системы, которая считывает передвижения, покупки, контакты людей и может стать региональным и даже всемирным интернет-полицейским. Можно допустить – при низком пороге самозащитенности общества – и опасность создания в глобальном формате зловещей пирамиды электронной власти и информационной собственности» [61, с. 4]. Л. Мясникова продолжает ту же мысль: «Сетевой мир-ТНК (продукт «классической» корпоративной сети – Я.Л., М.Н.) неустойчив и чреват системным кризисом... Поэтому для своей стабилизации он начинает формировать мировой тоталитарный порядок... Становление информационной парадигмы, ведущее к формированию постиндустриального общества сетевых структур, связано с принципиальными качественными изменениями в жизни человечества через структурную несвободу... Можно утверждать, что человек сетевой превращается в одно из программно-аппаративных средств киберпространства, которое, открывая доступ к подсознанию к внутреннему пространству личности, дает широкие возможности целенаправленной манипуляции им, переводит его развитие в сферу электронной несвободы. Особую форму сетевой несвободы, как структурной, так и электронной, представляет развитие информационных метатехнологий, то есть технологий, делающих пользователя полностью зависимым от их разработчика (владельца). Такая зависимость автоматически позволяет управлять пользователями, ставит их в положение лицензиата... Электронная сетевая структура общества образует мощный социальный каркас необходимости, ограничивающий вероятностный конус свободы принятия человеком решений... Сетевые структуры создают необходимые морально-психологические условия для всемирного тоталитаризма, предоставляют готовый инструментарий и инфраструктуру для его централизованного правления» [62, с. 4, 5, 6].

Отметим, что разговор об угрозе тоталитаризма со стороны формируемой корпоративизацией системы корпоративной сети – отнюдь не «сгущение красок» или прием лексико-семантического

преувеличения. Главный идеолог «сетевого общества» М. Кастельс писал: «Находясь в сети, ты получаешь и согласие на свой шанс. Находясь вне сети или будучи исключенным из нее, у тебя нет никаких шансов, поскольку все, имеющее значение, организовано вокруг всемирной паутины информационной сети» [60, с. 9]. Что ж, вполне достойный ответ Муссолини, который в свое время произнес фразу, ставшую олицетворением тоталитарной формы правления: «Все в государстве, ничего вне государства». Корпоративизация на место государства ставит корпоративную сеть и вместо политических использует экономические и информационно-психологические средства для достижения контроля над обществом.

Некоторые исследователи, отвергая «классическую» корпоративизацию по стандартам ТНК, предлагают как альтернативу «нацию-корпорацию» (М. Калашников), в которой «граждане – полноправные “акционеры” своей страны, а не бесправные работники-слуги “директората корпорации”» [21, с. 609-619]. Однако определенные соображения заставляют отнестись к этой концепции очень скептически. «Нацию-корпорацию» предполагается построить «на сочетании сетевых и централизованных способов управления» [21, с. 609-619], в чем механизмы ее работы совпадают с общими механизмами корпоративизации, и это делает идею «нации-корпорации» (вернее сказать, «страны-корпорации»), по сути, одним из вариантов нового мирового порядка, граждане которого являются не «акционерами», а «винтиками», обеспечивающими его стабильное функционирование.

В то же время идея корпорации, как «политической нации» (сообщества, сплоченного общими взглядами и целями) вполне реально присутствует в корпоративизации и отмечается некоторыми теоретиками корпоративных структур. В. Иноземцев рассматривает корпорацию не как предприятие, создающее определенный конечный продукт, а как сообщество, пронизанное элементами творчества и воспроизводящее их в расширенном масштабе. Эту мысль продолжает М. Хаммер: «Корпорация представляет собой нечто большее, чем набор продуктов и услуг, и даже нечто большее, чем ассоциация работающих людей, она является также человеческим сообществом» [63, с. 47]. Более глубоко в сущность корпорации как сообщества проникает А.И.Неклесса: «“Город-фабрика”, “город-предприятие” словно гусеница, становящаяся бабочкой, преобразуется в летучий остров Новой Лапутании – динамичную нео-корпорацию, эффективно объединяющую рассеянных по миру сотрудников, – “космополитический модуль” или общество активно действующих людей, связанных между собой проектом, контрактом, рабочим (а не географическим) пространством и средствами телекоммуникации. Этот мир формирует собственный глобальный проект – сверхоткрытого общества, в сетевых глубинах которого растворяется централизованная среда обитания, сталкивается актуальное и иллюзорное, рождая новый мир разделенных рисков» [50, с. 71]. Истинная суть «корпоративного сообщества», «политической нации-корпорации» является практически зеркальным отображением идей Ж. Аттали, выраженных им в «Линиях горизонта»: бессемейность, космополитизм, глобальная мобильность и прибыль, как единственный определяющий фактор, «менталитет» «нации-корпорации».

Ценностная основа корпоративизации полностью исключает подлинный прогресс, в основе которого лежит духовное возрождение. Результат корпоративизации – трансформация человечества в «некий программируемый одновекторный социальный организм» (А. Кендюхов) с отсутствием возможностей для личностного и нравственного развития. Достигая все новых и новых высот в науке, технологиях и инновациях, человечество не становится более «человечным». Вооруженное высочайшими достижениями научно-технического прогресса, но движимое ложными ценностями корпоративизации, общество встает на путь саморазрушения, и его катастрофический исход неизбежен.

Возрождение христианских ценностей – единственный выход из тупика

Формируемое корпоративизацией индивидуализированное массовое общество предоставляет идеальный плацдарм для установления нового мирового порядка. Корпоративизация умело маскирует тотальную массивификацию и унификацию сознания мнимой «индивидуализацией», якобы проявляющейся в вездесущей вседозволенности, принимаемой корпоративизированным обществом за свободу. В этом тоталитарном обществе культ отдельной личности заменен безликим культом денег, которые корпоративизированное общество провозгласило богом [33, с. 329]. Члены этого общества, как правило, не думают ни о Первопричине бытия, ни о его смысле, ни о существовании абсолютных ценностей, а поклоняются «оптимизационным» ценностям рынка и другим богам денежного «пантеона», формируя некую всеобщую эрзац-религию нового мирового порядка. «Та

полнота ответственности, которая была взята на себя человеком, попытка жить “так, как если бы Бога не было” со временем явно сменила регистр испытаний: от оппонирования традиционным религиям и двоеверию к противостоянию многочисленным соблазнам свободы» [50, с. 69].

Четко представляя для себя корень проблемы, мы можем однозначно назвать единственный путь ее преодоления. Не подлежит сомнению, что лишь «духовное развитие человека способно привести к переосмыслению ценностей общества потребления, к пониманию того, что наивысшую ценность имеет то, что за деньги купить нельзя» [30]. Глобальная проблема корпоративизации – в «подмене духовности вещизмом» (Ю. Пахомов), в деградации христианских ценностей, а «если дух уступит материи, она сотрет личность и общество» [64]. Очевидно, что решить проблему корпоративизации невозможно лишь социально-экономическими мерами, хотя эти меры, предлагаемые некоторыми исследователями [8, с. 42; 43, с. 72] также важны и необходимы. Однако базисом для преодоления пагубных последствий корпоративизации должно быть духовное возрождение общества на базе моральных принципов библейского христианства. К этому призывает, в частности в нашей стране, Всеукраинский союз ученых-экономистов [65] а также опыт стран Востока и ислама, что «свидетельствует о важности для человечества выведения критериев успешных ценностей за рамки сугубо экономических результатов» [66, с. 8].

Ценности библейского христианства идеально уравнивают «противоречие индивидуального и коллективного» (Дж. Сартори), не давая индивидуальной свободе перерасти во вседозволенность, а коллективизму – в тоталитаризм. «Лишь те из многочисленных обитателей планеты, кому в этой непростой ситуации (“последнем испытании расщепленного статуса человеческой природы” (А. Неклесса) – Я.Л., М.Н.) по силам вкусить свободу и одновременно противостоять ее повторному искажению, сохранив воссозданную из небытия личность, могут надеяться на исцеление и реализацию какого-то утраченного статуса» [50, с. 69].

Для того чтобы дух возобладал над материей, необходимо духовное перерождение корпоративизированного человечества, результат которого должен стать подобным факту, наблюдаемому сегодня в наименее корпоративизированном исламском мире – факту «сдерживания религией рыночно-потребительского ажиотажа» [66, с. 10]. Подлинная нейтрализация корпоративизации невозможна без наличия у морали твердого авторитета – того, который является объективным духовным компасом – авторитета Бога.

Литература:

1. Болдырев К.А. Отношения конкуренции: мотивационные трансформации на рынке труда: [монография]/ К.А. Болдырев. – Луганск: Ноулидж, 2009.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура; пер. с англ/ М. Кастельс. – М., 2000.
3. Білорус О.Г. Глобалізація і національна стратегія/ О.Г. Білорус. – К.: ВО «Батьківщина», 2001.
4. Неклесса А.И. A la carte/ А.И. Неклесса // Полис. – 2001. – №3. – с. 34-46.
5. Баталов Э.Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа/ Э.Я. Баталов // Полис. – 2003. – №5. – с. 25-37.
6. Фукуяма Ф. Великий разрыв; пер. с англ/ Ф. Фукуяма. – М., 2003.
7. Кара-Мурза С.Г. Потерянный разум/ С.Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2007.
8. Семенов В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи/ В.Е. Семенов // Социс. – 2007. – №4. – с. 37-43.
9. Киселев Г.С. Мир человека: тупиковая ветвь эволюции/ Г.С. Киселев// Вопросы философии. – 2007. – №4. – с. 9-23.
10. Опарин А.А. Белые одежды. Археологическое исследование книги пророка Захарии/ А.А. Опарин. – Х.: Факт, 2006.
11. Сандул И. Лапочка-дочка/ И. Сандул// Корреспондент. – 2010. – №2. – с. 34-35.
12. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции; Пер. с англ./ Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, Люкс, 2004.
13. Стотт Дж. Новые проблемы современных христиан; пер. с англ./ Дж. Стотт. – Черкассы: Смирна, 2004.
14. Силласте Г.Г. Гендерная социология: состояние, противоречия, перспективы/ Г.Г. Силласте // Социс. – 2004. – №9. – с. 77-84.

15. Федькович Г. Принципы одинакового ставлення та заборона дискримінації за ознакою статі в галузі праці / Г. Федькович, Р. Поцюрко, І. Трохим, М. Чумало // Персонал. – 2007. – №7. – с. 58-69.
16. Балабанова Е.С. Экономическая зависимость женщин: сущность, причины и последствия/ Е.С. Балабанова // Социс. – 2006. – №4. – с. 47-57.
17. Корреспондент. – 2007. – №46. – с. 26-28.
18. Егишянц С.А. Тупики глобализации/ С.А. Егишянц. – М.: Вече, 2004.
19. Медведева И. Приказано не рожать/ И. Медведева, Т.Шишова. – М., 2004.
20. Трибушная Е. Детское время/ Е. Трибушная // Корреспондент. – 2010. – №4. – с. 34-35.
21. Калашников М. Глобальный смуткризис/ М. Калашников. – Минск: Харвест, 2010.
22. Тоффлер Э. Третья волна; пер. с англ./ Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 1999.
23. Хен Ю.В. Теория и практика усовершенствования человеческой «породы»/ Ю.В. Хен // Вопросы философии. – 2006. – №5. – с. 123-136.
24. Опарин А.А. Престол Ваала. Археологическое исследование Четвертой книги Царств: [монография]/ А.А. Опарин. – Х.: Факт, 2007.
25. Васкес М. Движение Новый Век: История, учение и заблуждения. Как благовествовать его приверженцам; пер. с англ./ М. Васкес. –В кн.: Пути благовестия / В 2-х т. – Заокский: Источник жизни, 2000.
26. Цаплин В.С. Постиндустриализм: оправданы ли претензии/ В.С. Цаплин // Социс. – 2006. – №4. – с. 124-130.
27. Білорус О.Г. Новий тоталітаризм глобальних корпорацій – зростаюча загроза безпеці розвитку у ХХІ столітті/ [Електронний ресурс] / О.Г. Білорус. – Режим доступу: – <http://soskin.info/ea.php?pokazold=20040901&n=9&y=2004>.
28. Воронкова В.Г. Філософія глобалізації: соціоантропологічні, соціоекономічні та соціокультурні виміри: [монографія]. – Запоріжжя, 2010.
29. Кремень В., Ільїн В. Фінансова криза – пролог нового світового порядку/[Електронний ресурс] / В.Кремень, В. Ільїн//День. – 2009. – №105. – Режим доступу: <http://www.day.kiev.ua/275848/>.
30. Кендюхов А. Философия маркетинга и общество потребления: начало новой цивилизации или начало конца/ [Электронный ресурс]/ А. Кендюхов. – Режим доступа: <http://vsve.ho.ua/index.php?name=filosof>.
31. Гальчинский А. Методология анализа экономической глобализации: логика обновления / А. Гальчинский // Экономика Украины. – 2009. – №1. – с. 4-18.
32. Федотова В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России/ В.Г. Федотова // Вопросы философии. – 2005. – №11. – с. 3-23.
33. Ільїн В.В. Фінансова цивілізація/ В.В. Ільїн. – К.: Книга, 2007.
34. Соколов В. Контуры будущего мира: нации, регионы, транснациональные общности/ В. Соколов// Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – №3. – с. 3-14.
35. Удальцова М.В. Четыре среза занятости: ценности, мотивация, доходы, мобильность/ М.В. Удальцова, Н.М. Воловская, Л.К. Плюснина // Социс. – 2005. – №7. – с. 43-52.
36. Соловьева Н. Прогнозирование и планирование: идеологический конфликт конвергенции «плана» и «рынка» в координатах постиндустриальной экономики / Н. Соловьева // Экономика Украины. – 2009. – №10. – с. 15-26.
37. Коробов М. Налогообложение и (не)справедливость/ [Электронный ресурс]/ М. Коробов. – 2007. – №48. – Режим доступа: <http://www.zn.ua/2000/2040/61452/>
38. Неклесса А. Трансмутация истории. 11 сентября 2001 года в исторической перспективе и ретроспективе / А. Неклесса // Новый мир. – 2002. – №9. – с.143-159.
39. Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения/ Т.Р. Мальтус. – Петрозаводск, 1993.
40. Тоффлер Э. Революционное богатство; пер. с англ./ Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М.: АСТ, 2008.
41. Седова Н.Н. Морально-нравственные ориентации и социальная активность/ Н.Н. Седова // Социс. – 2004. – №8. – с. 88-94.
42. Щербак В. Анализ глобализационного цикла на основе политэкономической практики / В. Щербак // Экономика Украины. – 2009. – №1. – с. 82-91.
43. Варламова С.Н., Носкова А.В., Седова Н.Н. Семья и дети в жизненных установках россиян/ С.Н. Варламова, А.В. Носкова, Н.Н. Седова. // Социс. – 2006. – №11. – с. 61-73.
44. Панкратова Н.В. Социальный и биологический аспекты родительства/ Н.В. Панкратова // Социс. – 2006. – №10. – с. 116-123.

45. Либанова Э. Ценностные ориентации и социальные реалии украинского общества/ Э. Либанова // Экономика Украины. – 2008. – №10. – с. 120-136.
46. Финли М. Приняв решение повиноваться Десяти Заповедям; пер. с англ./ М. Финли. – В кн.: Десять Заповедей под ударом. – Кишинев: Tipografia Centrala, 2007.
47. Зуев А. Глобализация: Аспекты, о которых мало говорят/ А.Зуев, И. Мясникова // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – №8. – с. 54-60.
48. Силичев Д.А. Социальные последствия перехода от индустриализма и модерна к постиндустриализму и постмодерну/ Д.А. Силичев // Вопросы философии. – 2005. – №7. – с. 3-20.
49. Скрипник З. Ринковий вибір та антиринкова свідомість: світоглядні аспекти економічної модернізації/ З. Скрипник // Персонал. – 2006. – №12. – с. 15-18.
50. Неклесса А.И. Трансмутация истории/ А.И. Неклесса// Вопросы философии. – 2001. – №3. – с. 58-71.
51. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального; пер. с фр./ Ж. Бодрийар. – Екатеринбург, 2000.
52. Бродская О. Человек в массе или человек массы/ О. Бродская, В. Лысенко // Персонал. – 2004. – №3. – с. 56-61.
53. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов/ Р. Рорти // Вопросы философии. – 2003. – №3. – с. 30-41.
54. Павленко Ю.В. Ієрархічні та мережеві структури в суспільно-економічній історії людства/ Ю.В. Павленко // Економічна теорія. – 2007. – №1. – с. 13-35.
55. Дорнбуш Р. Нова економіка проти держави загального добробуту: фінал відомий наперед // [Електронний ресурс] / Р. Дорнбуш // День. – 2000. – №138. – Режим доступа: <http://www.day.kiev.ua/50137/>.
56. Сандул И. Офисный фашизм/ И. Сандул // Корреспондент. – 2009. – №36. – с. 30-32.
57. Щербина А. Все делают это/ А. Щербина // Корреспондент. – 2009. – №49. – с. 36-38.
58. Зотова И. Офисные кражи: как обнаружить воришку/ И. Зотова // Час-Пик info. – 2010. – №6 (453). – с. 7.
59. Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация/ В.Л. Иноземцев. – М, 1999.
60. Гальчинський А.С. Трансринкові трансформації/ А.С. Гальчинський // Економічна теорія. – 2007. – №1. – с. 3-12.
61. Андреев И. Куда нас тащит Сеть/ И. Андреев // Наука и религия. – 2008. – №5. – с. 2-4.
62. Мясникова Л. Глобализация экономического пространства и сетевая несвобода / Л. Мясникова// Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – №11. – с. 3-8.
63. Федулова Л.І. Трансформація корпоративних структур: теоретичний аспект/ Л.І. Федулова // Економічна теорія. – 2005. – №3. – с. 45-59.
64. Пахомов Ю. «Если дух уступит материи, она сотрет личность и общество»/[Электронный ресурс]/ Ю. Пахомов. – Режим доступа: <http://www.odnarodyna.ru/articles/12/554.html>.
65. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vsve.ho.ua/index.php?name=ugrozi>.
66. Пахомов Ю. Бифуркационное состояние миросистемного ядра в преддверии смены мировых лидеров/ Ю. Пахомов. // Экономика Украины. – 2008. – №4. – с. 4-14.

Анотація

КОРПОРАТИВІЗАЦІЯ СУСПІЛЬСТВА ЯК ІНСТРУМЕНТ ФОРМУВАННЯ НОВОГО СВІТОВОГО ПОРЯДКУ

Лимар Я.О., к.е.н., доцент

Нестеренко М.Г., студент

Харківський інститут економіки ринкових відносин та менеджменту

У статті викладено та обґрунтовано теорію «корпоративізації», що пропонує можливе пояснення тенденціям сучасних соціально-економічних та культурних трансформацій. Виділено структурні елементи корпоративізації, проведено їх диференційований та комплексний аналіз з точки зору економічних наслідків та моралі біблійного християнства. Піддано критичному аналізу популярні концепції «постекономічного» та «мережевого» суспільства.

Ключові слова: корпоративізація, новий світовий порядок, традиційна сім'я, корпоративна мережа.

Summary
CORPORATIVIZATON OF SOCIETY AS AN INSTRUMENT OF FORMATION OF NEW WORLD
ORDER

Lymar Ya. O., Ph.D, docent
Nesterenko M.G., student
Kharkiv Institute of Economics & Management

In this article the theory or “corporativisation” is offered and analyzed. It gives possible explanation of up-to-date social and economic tendencies and cultural transformations. Authors distinguish structural elements of corporativisation, make their differential and complex analysis in the sense of economic consequences and Biblical Christian moral. They also critically analyze popular conception of “aftereconomic” and “net” society.

Key words: corporativisation, new world order, traditional family, net of corporations.

Поступила в редакцию 09.06.2010 г.

© Лымарь Я.А., Нестеренко М.Г., 2010 г.